УДК 328:316.772.5

ПРОЦЕССЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ И МЕДИАКОНВЕРГЕНЦИЯ: ИССЛЕДОВАНИЕ АСПЕКТОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Юферева Анастасия Сергеевна,
Институт философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук,
аспирант,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: yufereva001@mail.ru

Аннотация
В статье рассматриваются различные уровни медиаконвергенции и их соотношение с процессами политической коммуникации. Анализируются состояние и перспективы реализации медиаспособностей государства, обсуждается комплекс проблем данной реализации.

Ключевые понятия:
медиаконвергенция,
политическая коммуникация,
виртуализация политики,
новые информационные технологии.

В России повышение уровня информатизации государственных услуг относится к числу стратегически важных задач, решение которых требует основательной реконфигурации раннее устоявшихся системообразующих организационных структур. Традиционно восприимчивые к технологическим изменениям политические институты вынуждены своевременно реагировать на происходящие во внешней среде трансформации, учитывать потенциал и возможности, заложенные в виртуальном пространстве. В современных условиях возрастает степень ответственности государственных подразделений в освоении новейших коммуникативных способов и технологий. Уровень овладения ими, безусловно, выступает показателем их компетентности, профессионализма. Подчеркнем, что достижение высоких показателей в заданном направлении во многом зависит от глубины и полноты осознания представителями органов власти медиаконвергенции (от лат. convergere – приближаться, сходиться), которая инициирует масштабные трансформации в виртуальной среде, оказывающие непосредственное воздействие на функционирование политических институтов. Переосмысление обозначенного феномена необходимо с той целью, чтобы глубже понять перспективы этого процесса применительно к информационной политике государства. Однако ряд зарубежных исследователей констатируют [6; 8], что представление о медиаконвергенции настолько широкое, что к настоящему моменту не сложилось общепринятого определения. В этой связи считаем необходимым подойти к исследованию поставленного вопроса комплексно, рассмотрев несколько уровней этого процесса, предлагаемых в отечественной и зарубежной академической литературе.

Первый и, пожалуй, базовый уровень медиаконвергенции имеет отношение к сближению разнообразных технологических платформ (компьютер, мобильное устройство и т.д.). Результатом взаимопроникновения электронных средств связи и сервисов допустимо считать появление унифицированной системы, в рамках которой происходит циркулирование ранее разобщенных элементов (текст, аудио-, видео) в едином цифровом формате [1; 2; 9].

Следующий уровень именуется социальной медиаконвергенцией. В данном случае подразумевается, что в результате

использования технологической системы, описанной выше, происходит создание коммуникационных эффектов. При этом представляется целесообразным уточнить, что система сама по себе не в состоянии провоцировать возникновение подобных последствий. Это побуждает к формулированию утверждения о том, что важным является не столько наличествование соответствующей технологической системы, а сколько то количество пользователей, которые вовлечены в сам процесс коммуницирования, и таким образом в перманентном режиме поддерживают функционирование данной системы [6; 10].

Происходящие изменения в коммуникационном поле под воздействием медиаконвергенции отражаются на различных сферах жизненного уклада, ведут к перестройке организационных структур и приводят к выстраиванию принципиально иных человеческих отношений в социуме. Исключением не стала область политических коммуникаций, которая продолжает трансформироваться под влиянием медиаконвергенции. В частности, речь идет о становлении новых форм политического взаимодействия, анализ которых в контексте медиаконвергенции в политической науке не проводился. Поэтому считаем необходимым ввести в понятийно-категориальный аппарат политической науки понятие «медиаконвергенция», которое поможет установить ориентиры в политическом пространстве, акцентировать внимание на действительно актуальных тенденциях и, что самое главное – выявить взаимосвязи между различными уровнями медиаконвергенции (технологическим, социальным) и политической коммуникацией.

Взаимодействие медиаконвергенции с процессами политической коммуникации впервые проявилось в начале 1990-х годов, когда произошло вовлечение в сферу политического новых информационных технологий. Показательным примером является появление в России государственных официальных веб-сайтов. Функционирующие на тот момент электронные ресурсы отличались ограниченными возможностями в оказании информационных услуг – данные подавались исключительно в однонаправленном порядке. Тем не менее доступ к ним мог получить любой пользователь, имеющий компьютер и Сеть. Примечательно, что в данном случае речь идет о проявлении медиаконвергенции технологического толка, которая предполагает наличествование дигитализированных путей для отправки сообщений неограниченному кругу лиц, возможность хранить, перерабатывать и распространять существенные объемы информации, передавать политические послания с помощью различных электронных устройств, платформ.

Достижения в сфере высоких технологий способствовали формированию принципиально нового коммуникационного формата в интернет-пространстве, что допустимо связать с переходом медиаконвергенции к следующему уровню – социальному. Она появилась в результате совершенствования электронных средств связи, использование которых позволило представителям широкой аудитории коммуницировать друг с другом, объединяться в виртуальные сообщества, преодолевать при этом пространственные и временные ограничения.

Применительно к области политического считаем нужным отметить, что становление и развитие диалоговых систем коммуникации в России пришлось на середину 2012 года, когда «все регионы и муниципалитеты начали постепенный переход на электронное взаимодействие»[1] с населением. Спустя два года, в 2014 году, «доля граждан, использующих электронные госуслуги, составила 35,2%. В 2013 году таких граждан было 30,8%. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации № 601 от 7 мая 2012 года, доля граждан, использующих механизм получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме, к 2018 году должна достичь 70%. При этом плановый показатель на 2014 год составляет 35%, на 2015 год – 40%»[2]. Предполагается, что пользователь госуслуг придерживается позиции не пассивного наблюдателя, как это отмечалось ранее, а полноправного участника политического процесса, использующего интерактивные элементы сайтов правительственных учреждений. Например, на портале «Открытое правительство Свердловской области» (http://open.midural.ru) любой желающий может воспользоваться предлагаемыми сервиса-

[1] Доля граждан, воспользовавшихся электронными госуслугами в 2014 году, превысила 35% [Электронный ресурс] // Официальный сайт Минкомсвязи России, 23.04.2015. URL: http://minsvyaz.ru/ru/events/33078/ (дата обращения: 9.05.2016).

[2] Там же.

ми, среди которых: участие в социальных вопросах, реестр петиций и инициатив, народный контроль (возможность сообщить о проблеме) и пр.

Общая картина информатизации государственных услуг России может быть сопоставлена с положением дел в других странах посредством всемирных международных рейтингов, которые направлены на исследование уровня развития новых информационных технологий в различных государствах. Так, согласно индексу развития электронного правительства (The UN Global E-Government Development Index) Организации Объединённых Наций, в 2008 году Россия занимала 49-е место по готовности использовать информационно-коммуникационные технологии (далее ИКТ) для предоставления гражданам госуслуг, в 2010 – 47-е место, в 2012 и в 2014 – 27-е место. В другом авторитетном рейтинге – «Индексе развития ИКТ» – в 2007 году отечественной ИКТ-отрасли было присвоено 50-е место, в 2013 –40-е, а в 2015 – 45-е место[3].

В представленных рейтингах, при составлении которых привлекались разнообразные критерии (уровень развития ИКТ-инфраструктуры, качество интернет-услуг, степень доступа к ИКТ и многие др.), Россия демонстрирует крайне неустойчивое положение по части оказания государственных услуг в электронном формате. Способствуют этому соответствующий комплекс проблем, который выступает препятствием для успешной реализации концепции электронного государства [3; 4; 5].

К числу главных относится проблема «технократической утопии». Она означает крупномасштабное подчинение новым информационным технологиям административных структур. Речь идет о том, что инициаторы инноваций исходят не из юридических, процедурных, социокультурных и многих других особенностей государственного аппарата, а из эффективности информационной системы. Следовательно, в данном случае определяющей стороной становится технология, а организационным структурам остается лишь подчиниться им.

Следующая проблема, вытекающая из первой, имеет отношение к организационному сопротивлению. Предстоящее внедрение инноваций может потребовать перестройки основных компонентов организационной структуры (появление дополнительных отделов, как пример), выработку новых компетенций. Последнее, в свою очередь, может вызвать серьезное противостояние со стороны государственных служащих, которые могут посчитать их примитивными, упрощенными и требующими большей степени формализации. Непонимание грядущих трансформаций системы может обернуться затруднениями в функционировании государственных структур.

В-третьих, проблема «разрыва» между замыслом и реальностью раскрывается в несоответствии между технической рациональностью, которой руководствуются разработчики в сфере перевода государственных услуг в электронный вид, и социокультурным контекстом, которым руководствуются сотрудники органов государственных власти, но который игнорируется разработчиками. В итоге в свет выходит недостаточно адаптированный к запросам граждан информационный продукт, использование которого вызывает сложности, и, как следствие, данное обстоятельство влечет за собой снижение качества оказываемых в электронном виде государственных услуг.

Четвертая проблема относится к ментальным установкам представителей органов государственной власти. Устойчивость отечественной бюрократической культуры, ориентированной на поддержание режима закрытости, административной непрозрачности, приводит к тому, что разработанные стратегии в области перевода государственных услуг в электронный формат, даже существовавшие в рамках нормативно-правовых актов, оказываются неработающими.

К числу общих проблем относится проблема «цифрового неравенства». Под «цифровым неравенством» (digital divide) понимается новая разновидность социального неравенства, выражающаяся в неравном доступе к информационным технологиям. В результате общество делится на «информационно бедных» и «информационно богатых». Впервые вопрос цифрового неравенства был поднят на саммите стран «Большой восьмерки» в 2000 году на Окинаве. По его итогам состоялось принятие «Хартии глобального информационного общества», основопо-

[3] Центр гуманитарных технологий [Электронный ресурс] // Официальный сайт информационно-аналитического агентства «ЦГТ». URL: http://gtmarket.ru (дата обращения: 9.05.2016).

лагающим принципом которой стало повышение доступности для граждан всего мира новых информационных технологий. Среди множества факторов, которые способствуют цифровому неравенству, стоит выделить уровень развитие ИКТ, демографические (возраст, пол и др.), психологические (например, отсутствие дискомфорта в использовании ИКТ), а также социокультурные (менталитет, уровень образованности и др.) факторы. Перечисленные критерии, характеризующие в определенной степени социально-экономическое положение страны, должны приниматься во внимание при решении проблемы оказания государственных услуг в электронном виде.

На основании полученных результатов сделаем следующие выводы.

Понятие «медиаконвергенция» как многокомплексный процесс применяется для обозначения появления не только универсальных технологий и дополнительных каналов для обмена сообщениями и установления контактов между индивидами, но и разнообразных социокультурных последствий, мгновенно возникающих при использовании эффекта взаимодействия электронных средств связи.

В данной статье впервые предпринята попытка ввести концепт «медиаконвергенция» в понятийно-категориальный аппарат политической науки с целью выявления структурных взаимосвязей между данным феноменом и процессами политической коммуникации.

Раскрыт комплекс проблем, препятствующий успешной адаптации политических институтов к последствиям медиаконвергенции. Примечательно, что вопрос институциональной адаптации государства к существующим медийным условиям относится к числу перспективных направлений для дальнейших исследований этой темы. Представляется необходимым отметить, что в российских реалиях к проблеме реализации концепции электронного государства стоит подходить не с технологический, а с организационной стороны. В настоящий момент направление для функционирования институциональных механизмов задается в контексте технократического дискурса, что в свою очередь делает процесс по переводу государственных услуг в электронный вид малоэффективным. Во внимание должны приниматься прежде всего отечественные социальные и культурообразующие предустановки. Так, подготовка кадрового состава представителей органов власти к предстоящим инновационным нововведениям должна осуществляться постепенно, при непосредственном их участии в процессе создания и дальнейшей эксплуатации информационных продуктов (веб-сайтов, приложений для мобильных устройств и пр.), которые могли бы быть адаптированы к их профессиональным компетенциям. Не менее актуальным является вопрос заимствования зарубежных методов «электронного управления». Подобная многоплановая работа должна задаваться не извне, а внутри российского государства, с учетом реальной степени подготовленности госслужащих и населения к принятию столь основательных преобразований в сфере перевода государственных услуг в электронный вид. Итогом станет не формальное следование критериям успешности при выполнении планов по внедрению электронных сервисов, мало адаптированных под управленческий потенциал представителей власти и возможности пользователей, а стремление к росту доступности телекоммуникационной инфраструктуры для различных слоев населения и улучшению качества оказываемых услуг.

1. Вартанова, Е.Л. К чему ведет конвергенция СМИ? [Текст] / Е.Л. Вартанова // Информационное общество. 1999. № 5. С. 11–14.

2. Баранова, Е.А. Конвергентная журналистика [Текст] / Е.А. Баранова. М.: Издательство Юрайт, 2015. 269 с.

3. Дьякова, Е.Г. Массовая коммуникация и власть [Текст] / Е.Г. Дьякова. Екатеринбург: УрО РАН, 2002. 278 с.

4. Дьякова, Е.Г. Переход к электронному правительству в России: нормативно-правовая база и социальный контекст [Электронный ресурс] / Е.Г. Дьякова // Совместные исследования социальных проблем: электронный научный журнал. 2011. № 3. том 7. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/perehod-k-elektronnomu-pravitelstvu-v-rossii-normativno-pravovaya-baza-i-sotsialnyy-kontekst (дата обращения: 19.09.2015).

5. Трахтенберг, А.Д. Электронное правительство: состоится ли «изобретение государства заново»? [Текст] / А.Д. Трахтенберг // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2012. Вып. 12. С. 285–297.

6. Jenkins, H. Convergence? I divergence [Electronic recourse] / H. Jenkins // Technology review. 2001. Vol. 1. URL: http://www.technologyreview.com/article/401042/convergence–i–diverge/ (accessed: 10.11.15).

7. Jenkins, H. Convergence Culture: Where old and new media collide [Text] / H. Jenkins. New York: New York University Press, 2006. 308 p.
8. Kopecka-piech, K. Media convergence concepts [Text] / K. Kopecka-piech // Media Studies. Vol. 3 (46). pp. 1–19.
9. McLuhan, M. Understanding Media: The Extensions of Man [Text] / M. McLuhan. New York: McGraw-Hill, 1964. 359 p.
10. Meikle, G. Media Convergence: Networked Digital Media in Everyday Life [Text] / G. Meikle. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2012. 248 p.

References

1. Vartanova E.L. (1994) *Informacionnoe obshhestvo,* no. 5, pp. 11–14 [in Rus].
2. Baranova E.A. (2015) Konvergentnaya zhurnalistika. Moscow, Izdatelstvo Yurajt, 269 p. [in Rus].
3. Dyakova, E.G. (2002) Massovaja kommunikacija i vlast'. Yekaterinburg, UrO RAN, 278 p. [in Rus].
4. Dyakova E.G. (2011) *Sovmestnye issledovanija social'nyh problem: jelektronnyj nauchnyj zhurnal,* no. 3, vol. 7, available at: http://cyberleninka.ru/article/n/perehod-k-elektronnomu-pravitelstvu-v-rossii-normativno-pravovaya-baza-i-sotsialnyy-kontekst (accessed 19.09.15) [in Rus].
5. Traxtenberg A.D. (2012) *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN,* 285–297 p. [in Rus].
6. Jenkins H. (2001) *Technology review,* vol. 1, available at: http://www.technologyreview.com/article/401042/convergence–i–diverge/ (accessed 10.11.15) [in Eng].
7. Jenkins H. (2006) Convergence Culture: Where old and new media collide. New York, New York University Press, 308 p. [in Eng].
8. Kopecka-piech, K. (2011) *Media Studies,* vol. 3 (46), pp. 1–19 [in Eng].
9. McLuhan M. (1964) Understanding Media: The Extensions of Man. New York, McGraw-Hill, 359 p. [in Eng].
10. Meikle G. (2012) Media Convergence: Networked Digital Media in Everyday Life. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 248 p. [in Eng].

UDC 328:316.772.5

PROCESSES OF POLITICAL COMMUNICATION AND MEDIACONVERGENCE: STUDYING ASPECTS OF COOPERATION

Yufereva Anastasiya Sergeevna,
Institute of Philosophy and Law of Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Post-graduate Student,
Yekaterinburg, Russia.
E-mail: yufereva001@mail.ru

Annotation
The article deals with different levels of mediaconvergence and their correlation with processes of political communication. The author analyzes the situation and prospects of realizing media abilities of the state, discusses a complex of problems which prevent these abilities from realizing.

Key concepts:
mediaconvergence,
political communication,
virtualization of politics,
new information technologies.